

«ЧЕРНАЯ ВОДКА» ДЕБОРЫ ЛЕВИ: АНТРОПОЛОГИЯ ЛЮБВИ

Анна Викторовна Букреева

магистр СПбПУ Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: nyuta.bukreeva.00@mail.ru

Аннотация. Рубрика предлагает перевод на русский язык рассказа «Черная водка» (“Black vodka”, 2013) из одноименного сборника рассказов современной британской писательницы, поэтессы и драматурга Деборы Леви, выполненный победителем шестого международного конкурса художественного перевода ART & CRAFT OF TRANSLATION (2025). Романы Д. Леви «Заплыв домой» и «Горячее молоко» вошли в шорт-лист Букеровской премии. Текст перевода предваряется краткой заметкой о творчестве автора и особенностях рассказа «Черная водка» в контексте сборника как художественного целого.

Ключевые слова: Дебора Леви, «Черная водка», современная британская литература, рассказ, перевод

Предисловие

У русскоязычного читателя появилась возможность познакомиться с творчеством Деборы Леви лишь несколько лет назад. На данный момент на русский язык переведены ее романы «Горячее молоко» (пер. Елены Петровой, 2017), «Заплыв домой» (пер. Татьяны Покидаевой, 2018), «Человек, который видел все» (пер. Виктории Кульницкой, 2021), а также «Плата за жизнь» – вторая часть трилогии так называемых «живых автобиографий» (пер. Николая Мезина, 2022). Не меньшего внимания заслуживают сборники рассказов писательницы. Кратко обозначим основные особенности творчества Леви на примере сборника «Черная водка» (2013).

Один из главных мотивов сборника – изгнанничество, отрыв от родины и от своих корней. Персонажи Леви скитаются по разным странам и знают несколько языков. Их хрупкая близость зачастую не обременена желанием узнать о прошлом друг друга. Интерес Леви к теме неприкаянности объясняется в том числе ее биографией. Писательница родилась в Южной Африке в семье политического активиста, выступавшего за отмену апартеида. Когда Леви было девять лет, ее семья переехала в Великобританию, где писательница живет до сих пор.

С изгнанничеством тесно связан мотив войн и трагедий двадцатого века, особенно в странах Восточной Европы. Персонажи

разных рассказов эмигрировали на Запад из Югославии, Чехословакии, Польши. Они бежали от войны, голода и политической несвободы, но не смогли оставить трагическое прошлое позади. В одном из рассказов сборника мать повествователя – историк, исследователь двадцатого века. Своими неравнодушием и нетерпимостью ко злу она привила сыну мечты о мире, где больше не повторятся ужасы прошлого.

В сборнике «Черная водка» заметен интерес Леви к психоанализу. Писательница сама не раз называла З. Фрейда и разработанную им теорию одним из главных источников влияния на свое творчество. Ею даже написаны пьесы на основе двух случаев из практики Фрейда – «Дора» и «Человек-волк». В рассматриваемом сборнике широко представлены темы бессознательного и детских травм. Излюбленный Фрейдом образ волка также находит воплощение в рассказах, причем исключительно в женских образах (например, акцент героини, навещающей рассказчика на мысль о волках, или поцелуй-укус гувернантки).

Говоря о языке Леви на примере сборника «Черная водка», подчеркнем его выразительность и сжатость. Д. Леви – мастер яркого емкого образа. Сама писательница отмечает, что черпает вдохновение в творчестве Вирджинии Вулф, Маргерит Дюрас, Кэтрин Мэнсфилд и Мюриэл Спарк, в особенности в прозе, в которой сочетаются простота языка и психологическая глубина.

Сборник «Черная водка» – эlegantное эстетическое целое, объединенное не только сквозными сюжетными мотивами и авторским стилем, но и отдельными образами. Тексты вступают в диалог и дополняют друг друга. Так, сборник открывается рассказом, в котором повествователь чувствует себя «потерянной вещью в ожидании хозяина», а в следующем рассказе реальный багаж героини оказывается потерянным в аэропорту. Стоит также выделить образ Тома Майнза, который появляется в главном рассказе в качестве эпизодического персонажа, но ярко раскрывается в четвертом.

Укажем и на некоторые черты рассказа «Черная водка», представляющие особую важность для переводчика. Название текста выступает как оксюморон и мгновенно привлекает к себе внимание читателя. С помощью этого средства выразительности рассказчик, сотрудник рекламного агентства, пытается подогреть интерес к новой марке водки. Таким образом напиток ассоциативно связывается и с «черной» меланхолией, и с ночью – временем тайн и грез.

Значительную роль в рассказе имеет культурный контекст, связанный с двумя топосами – Лондоном и Польшей. Лондон ярко представлен в тексте рассказа и фактически выступает как одно из действующих лиц. Герой гуляет по городу, словно миссис Дэллоуэй из одноименного романа Вулф, и в его памяти то и дело всплывают воспоминания о тревожном прошлом.

Упомянутые нами темы творчества Д. Леви характерны и для данного рассказа: инаковость, эмиграция, трагическое прошлое Восточной Европы, фрейдизм. Важную роль в тексте играет и еще одна идея, о которой ранее не говорилось, – живительная сила слова, причем не только художественного. И финал рассказа можно считать не только сетованием на несовершенство языка, но и признанием в любви к нему.

Дебора Леви **Черная водка**

С первой нашей встречи я понял, что Лиза поможет мне стать совсем другим человеком. Поэтому рядом с ней я чувствовал себя расслабленно, словно в долгожданном отпуске. Хотя обычно я довольно зажатый. Думаю, стоит рассказать о себе: у меня на спине, между лопатками, небольшой горб. Когда я ношу рубашку без пиджака, видно, что я отличаюсь от остальных. Удивительно, какое жгучее любопытство вызывает у окружающих чужая исключительность любого рода – слава и убожество, красота и уродство. Люди задерживают взгляд на моем горбе на шесть секунд дольше, чем позволяют нормы приличия, и пытаются понять, что со мной не так. В школе мальчишки прозвали меня Али, решив, что это подходящая кличка для верблюда. Али, Али, Али. А у Али горб. Слова «детская площадка» едва ли пригодны для описания места, где должны были забо-

тяться о нашей безопасности, но на деле проводились настоящие этнические чистки. Там меня с младых ногтей приучили к жизни изгнанника. Уродливый. Станный. Не такой, как все. Вали, Али. Ва-ли, Али. На самом деле все мы родились в Саутенд-он-Си¹. Но мальчишки сослали меня в Аравийскую пустыню и не пускали в импровизированную курилку за лавочками для продажи моллюсков.

Что еще рассказать о себе? Я пишу тексты для ведущего рекламного агентства и хорошо на этом зарабатываю. Коллеги волей-неволей прониклись ко мне уважением: им кажется, что жизнь ко мне более сурова, чем к остальным. На деле же, строя карьеру, я четко усвоил, что счастливицов общество обычно недолюбливает.

Я впервые увидел Лизу во время презентации новой марки водки. Наше агентство выиграло тендер на проведение рекламной кампании. Я встал на небольшой сцене, указал на слайд с изображением ночного звездного неба и поправил зажим микрофона.

– «Черная водка»... – слегка зловеще начал я, – «Водка Нуар», выбор любителей изысканной грусти. Как сказал бы Виктор Гюго, мы покинуты и одиноки, и над человечеством сгущается ночь. «Черная водка» – для тех, кто носит траур по собственной жизни.

Я объяснил, что водка в основном ассоциируется у людей с постсоциалистическими странами бывшего Восточного блока. Широко известно, что при коммунизме абстракционисты, субъективисты и концептуалисты стояли во главе борьбы против власти государства. «Черная водка» сыграет на этой ностальгии и будет позиционироваться как смелый выбор искушенных интеллектуалов.

Коллеги внимательно слушали мои объяснения и потягивали латте (стажер успел сбежать в “Starbucks”). Когда я вдохновенно заявил, что у «Водки Нуар» высокие скулы, послышалось несколько неловких смешков. В офисе меня прозвали поэтом-калекой. И тут я заметил в зале незнакомую женщину с длинными каштановыми волосами, высветленными на кончиках, в сером кашемировом свитере. Она сидела, сложив руки на груди и раскрыв на коленях блокнот. Время от времени она рисовала в нем карандашом. Я хорошо вижу вдаль, поэтому от меня не ускользнуло, что эта неизвестная особа, впервые оказавшаяся в нашем скромном коллективе, изучает меня с неприкрытым научным интересом.

После презентации один коллега, Ричард, представил меня незнакомке с блокнотом. Он не сказал, кем она ему приходится, но я понял, что это его новая девушка. Ричард

---

¹ Город в Англии, на юго-западе графства Эссекс. – Здесь и далее прим. переводчика.

каждое утро опрыскивает подтянутое тело пьянящим одеколоном “West Indian Limes”¹. Его парфюм одновременно возбуждает меня и вызывает острый приступ меланхолии. Я мог бы хоть завтра купить с полдюжины флаконов этого соблазнительного одеколona, но таким образом лишь подчеркнул бы разницу между статностью Ричарда и собственным калечным телом. Так или иначе, я крайне удивился, увидев Ричарда в компании женщины, чей беспристрастный взгляд по непонятной причине пробудил во мне темную необузданную страсть, которую я сам пытался разжечь во время презентации «Водки Нуар».

Ричард приветливо мне улыбнулся – видимо, он был в хорошем настроении, но не спешил объяснять, что его так обрадовало.

– Лиза – археолог. Я решил, что ей будет интересно посмотреть твою презентацию.

У нее были бледно-голубые глаза.

– Лиза, вы бы купили «Черную водку»?

Она ответила, что попробовала бы, почему нет, но внезапно сорвалась на крик: Ричард подкрался к Лизе сзади и сжал ее тонкую талию.

Убирая ноутбук, я почувствовал предательский прилив злости. Больше всего на свете я мечтал освободиться от злосчастно-

го горба. После презентаций мы обычно поручаем стажерам заказать в офис еды и открываем шампанское. Но при виде подноса, где были разложены корзиночки с вялеными помидорами и соусом песто, мне захотелось опрокинуть все на пол.

Я ушел из офиса раньше обычного и даже не заинтересовался мнением шефа о своем выступлении. Том Майнз за словом в карман не лезет (хоть и предпочитает называть свои нападки «здоровой критикой»). Его ладони и запястья покрыты болезненными серовато-синими пятнами экземы. На моей памяти он всегда покупал пиджаки с удлиненными рукавами. Я по понятным причинам неравнодушен к тому, как окружающие скрывают физические страдания.

Я неразборчиво пробормотал что-то о неотложном деле и поспешно удалился, пока Том не ввернул, что неотложка здесь нужна мне. Но сначала я под пристальным взглядом шефа подошел к Лизе; он стоял, стиснув манжеты пиджака тонкими серыми пальцами. Мое следующее действие может показаться странным: я дал девушке Ричарда свою визитку. Она попыталась придать лицу удивленное выражение: вздернула брови, приоткрыла насмешливый рот, – но меня это не слишком убедило. Ведь пока Лиза рисовала,

---

¹“West Indian Lime” – серия одеколona и средств для бритья элитной лондонской марки уходовых средств для мужчин “Truefitt & Hill”.

открытый блокнот лежал у нее на коленях. Стоя на сцене, я отчетливо распознал в наброске на левой странице собственный портрет. Обнаженный горбатый мужчина, каждый орган аккуратно подписан. Лиза изобразила меня точно и без прикрас (возможно, стоит порадоваться, что она представляла меня обнаженным?), а под портретом нацарапала всего два слова: “Homo sapiens”.

Случилось чудо – Лиза позвонила. Я сразу же пригласил ее на ужин в пятницу. Лиза сказала, что в этот день занята. Обычно люди, которых влечет друг к другу, притворяются, будто у них богатая и насыщенная жизнь; мне же все как с гуся вода – я умело лавирую в неловких ситуациях. Поэтому я ответил Лизе, что, если она не может в пятницу, я свободен в понедельник, вторник, среду и четверг, да и в выходные тоже буду рад увидеться.

Мы договорились встретиться в среду в Южном Кенсингтоне¹. Лиза отметила, что в этом районе хорошо любоваться бескрайним небом, и я предложил продегустировать разные виды ароматизированной водки в Польском клубе² недалеко от Альбертхолла³. Это станет своеобразным полевым исследованием для моей концепции «Водки

Нуар». Лиза ответила, что с удовольствием выступит моей ассистенткой.

Той ночью мне снилась Польша. В который раз один и тот же сон: я сижу в поезде из Варшавы в Саутенд-он-Си. Со мной в вагоне солдат. Он целует руку своей матери, а затем возлюбленную в губы. Я наблюдаю за солдатом в старое зеркало на стене вагона и вижу, что на спине под военной формой цвета хаки у него горб. Когда я просыпаюсь, на моих щеках всегда дорожки слез – прозрачных, как водка, но теплых, как дождь.

Есть в дождливой погоде что-то особенное, отчего хочется со всей силы хлопнуть дверью такси. Люблю дождь. Он обостряет чувства, окружает каждое движение аурой смутного томления. Когда в среду вечером такси высадило меня на Экзибишен-роуд в центре города, на улице шел дождь. Вдалеке виднелись силуэты высоких нарядно-осенних деревьев Гайд-парка. Стояла прохладная безветренная погода. Я шел по Экзибишен-роуд с мыслями о том, что вместо современной брусчатки здесь когда-то пролегали поля, сады, огороды. Хотелось понежиться на этих полях: голова Лизы у меня на коленях, по небу проплывают облака; хотелось, чтобы мальчишки, которые

---

¹ Элитный район в центре Лондона, где расположено множество известных музеев, среди которых Музей естественной истории и Музей Виктории и Альберта.

² Вероятнее всего, речь идет о ресторане и баре “Ognisko Polskie” (с польск. «Польский очаг»).

³ Знаменитый концертный зал в Лондоне.

в школьные годы обзывали меня уродом, кусали локти от зависти.

Я нарочито медленно подошел к белому зданию в георгианском стиле, где находится Польский клуб. Дом передали в пользование польскому движению сопротивления во время Второй мировой войны; позже он стал важным культурным местом, прибежищем для тех, кто не мог вернуться в сталинскую Польшу. Проводя исследование для концепции «Черной водки», я обнаружил, что Сталин, как и я, имел физические недостатки: лицо в оспинах, одна рука длиннее другой, из-за желтого цвета глаз его называли «тигром», а еще ему приходилось носить обувь на высокой подошве, чтобы скрыть маленький рост. Сам я ни разу не надевал каблуки, чтобы почувствовать себя увереннее и свободнее. Но я всегда считал себя потерянной вещью в ожидании хозяина. Мое чувство собственного достоинства укрепляют часы, проведенные в элегантном и гостеприимном Польском клубе.

Я повесил пальто на деревянную вешалку в фойе и прошел в бар, где невозмутимо-вежливая официантка из Люблина подтвердила, что на мое имя в зале забронирован столик. Она любезно спросила, не желаю ли я «в ожидании спутницы что-

нибудь выпить». Я послушно заказал два шота перцовки. За полчаса я успел провести исследование водки с малиной, медом, тмином, сливой и яблоками, а Лиза все не шла. За окном вечерело. Пожилая дама в зеленой фетровой шляпе сидела на бархатном стуле рядом со мной и выводила на клочке бумаги некое математическое уравнение. Она так сосредоточенно что-то высчитывала, что я начал беспокоиться: вдруг ее мысли прямо сейчас, в 20:25, подхватит какой-нибудь математик на другом конце планеты и найдет решение уравнения раньше нее? Быть может, пока она в глубоком недоумении борется с бесконечными нулями, кто-то в Сан-Паулу или Любляне успел стать счастливым обладателем солидной суммы за вклад в развитие человеческого знания. Неужели и я обречен на бесконечное унижительное ожидание, пока Лиза, возможно, лежит в объятиях Ричарда, а он целует ноль ее приоткрытых губ?

Как оказалось, нет. В конце концов Лиза прибежала, тяжело дыша. Было видно, что ей искренне неловко за опоздание. Я заказал ей вишневую водку, и Лиза пустилась объяснять, что составляла план раскопок, которые скоро пройдут в Корнуолле¹, но у нее сломался компьютер и почти все данные оказались утеряны.

---

¹ Графство на Юго-Западе Англии.

Дышать одним воздухом с человеком, к которому испытываешь влечение, – ни с чем не сравнимое удовольствие. Мне не нравится вспоминать юношеские годы. Не странно ли, что я очарован женщиной, которая так любит копаться в прошлом? Мы с Лизой сидим на первом свидании в ресторане Польского клуба. Расправляем на коленях накрахмаленные льняные салфетки, любуемся люстрой над головой и обсуждаем маслянистые черные яйца рыб – икру различных видов осетровых: белуги, стерляди и севрюги. После того как официантка из Люблина принимает наш заказ, Лиза (что вполне понятно) переводит разговор на более личную тему:

– А где вы живете? – Вопрос звучит так, словно я экзотическая находка, которую Лиза хочет классифицировать и подписать тушью.

Я отвечаю, что у меня квартира с тремя спальнями и окнами на запад в викторианском особняке на Ноттинг-Хилл-Гейт¹. Хочу ей наскучить.

Рассказываю, что мне не знакомы сны и слезы, что я никогда не ругаюсь и не выхожу из себя, а питаюсь исключительно правильно (перекус – яблоки и никаких кукурузных хлопьев). Лучше сначала показаться человеку полным занудой, а потом постепенно подниматься в его глазах.

Лиза заметно теряет ко мне интерес.

Я шучу, что мама видела меня священником, так как, по ее мнению, больше всего мне пошла бы свободная одежда.

Лиза смеется, накручивая на палец прядь волос. Медленно моргает. Возится с мобильным на столе. Шаркает красными замшевыми туфлями. Ест большую порцию утки с яблочным соусом и обнаруживает, что я вегетарианец и мне нравятся нежные вареники с грибами. Когда она вонзает вилку в мясо, из него сочится бледно-алая кровь; Лиза маленькими аккуратными мазками стирает ее кусочком белого хлеба и подносит ко рту. Она ест с удовольствием и аппетитом. Мне нравится, что она не вегетарианка.

Через какое-то время Лиза заказывает чизкейк и спрашивает, с рождения ли у меня горб.

– Да.

– Иногда сложно понять.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, у некоторых плохая осанка.

– Тоже верно.

Она облизывает пальцы. Говорит, что чизкейк отменный. Я рад, что ей нравится. Официантка советует нам попробовать ликера из бутылки, внутри которой плавают «целая итальянская груша». Груша очи-

---

¹Одна из главных улиц боро Кенсингтон и Челси.

щена от кожуры. Обнажена. Мы соглашаемся.

– Можно достать грушу из бутылки и сделать из нее щербет, – непринужденно предлагаю я.

На самом деле я никогда не готовил щербет. Лизе мои слова по душе. Словно я предложил ей не просто достать грушу, а выпустить из бутылки джина. Лиза оживает и принимается воодушевленно рассказывать о работе. Оказывается, когда на раскопках находят человеческие останки, скажем, кости, их нужно убрать на хранение. При этом соблюдается четкая система: тяжелые трубчатые кости укладывают на дно коробки, а более легкие, например позвонки, – наверх.

– Археология позволяет раскрыть прошлое, – объясняет Лиза, потягивая ликер, который, как ни странно, по вкусу не имеет с грушей ничего общего.

– Получается, во время раскопок вы фиксируете и интерпретируете материальные следы прошлого?

– Можно сказать и так. Мне нравится знать, как люди раньше жили и какие у них были привычки.

– Вы раскапываете их верования и культуру.

– Ну, сами верования откопать невозможно, – поправляет она. – Но материальная культура, предметы и артефакты, которые люди оставляют после себя, дают мне ключи к пониманию верований.

– Понятно. Знаете, Лиза, почему вы мне нравитесь?

– И почему же?

– Потому что мне кажется, что вы видите во мне археологический объект.

– Люблю все исследовать, – объясняет она. – Я бы хотела увидеть кость, которая выступает из вашего грудного отдела позвоночника.

В этот момент серебряная вилка выскальзывает у меня из руки. Она бесшумно падает на ковер, пружинит и приземляется опять. Я наклоняюсь за ней и под влиянием нервного возбуждения и чрезмерного количества водки приступаю к собственным археологическим раскопкам. Я мысленно приподнимаю выцветший приглушенно-розовый ковер Польского клуба в Южном Кенсингтоне и обнаруживаю под ним лес, где полным-полно грибов и пикирующих летучих мышей, живущих вверх ногами. Это припорошенный свежим снегом польский лес, застывший в кровавом двадцатом веке. При этом сейчас, в первом десятилетии века двадцать первого, в двух метрах от себя я вижу ноги – посетители за соседним столиком едят селедку со сметаной. На них замшевые и кожаные ботинки. Серая волчица рыщет по темному лесу, чу! – на западе Лондона кто-то, звеня ложкой, размешивает капучино с шоколадной крошкой. Когда волчица начинает раскапывать безымянную

могилу, едва засыпанную землей, я теряю всякое желание продолжать эти мысленные раскопки, поднимаю вилку и киваю Лизе, которая все это время разглядывала шишку на моей спине, словно через объектив микроскопа.

Дождь сегодня косой, почти горизонтальный. Под влиянием погоды хочется отбросить сдержанность. Уступить безрассудным порывам. Когда мы выходим на Экзибишен-роуд, я приобнимаю Лизу за плечи, а она не морщится, не пытается отстраниться. Ее волосы и красные замшевые туфли промокли насквозь.

– Я поеду домой, – говорит она.

Лиза жестом подзывает свободное такси с другой стороны улицы; на нас льется дождь, теплый, как слезы в моем сне. У Лизы мягкий голос. Это все магия дождя. В такую погоду любые слова кажутся интимными и многообещающими. Пока такси разворачивается, Лиза стоит позади меня и прижимает ладони к горбу, словно слушает, как он дышит. Потом обводит его указательным пальцем, запоминая форму. Так полицейские очерчивают труп кусочком мела. Лиза наклоняется и открывает заднюю дверцу такси. Ее длинные ноги исчезают в машине. Лиза кричит водителю:

– Тауэрский мост!

Он кивает и настраивает таксометр. Лиза широко улыбается, я вижу ее острые белые зубы.

– Вы ведь знаете, что мы с Ричардом встречаемся, но, может быть, поедem ко мне и обменяемся впечатлениями о водке?

Долго уговаривать меня не приходится. Я запрыгиваю в машину следом за ней и со всей силы хлопаю дверью. Когда такси отъезжает, Лиза наклоняется вперед и целует меня. Возможно, она хочет узнать о моих привычках, верованиях и о том, как я живу? Или ей интересно увидеть, насколько точно ее набросок “*Homo sapiens*” отражает мое телосложение?

На таксометре быстро сменяются цифры, а мое сердце вторит этому бешеному ритму и тяжело стучит в груди, когда над садами дикой природы Музея естественной истории проплывает луна. Где-то внутри музея, под стеклом, хранятся двенадцать тонкопрядов, которых мы называем «призраками» за то, как они в сумерках выступают бледными силуэтами на темной траве (*Hepialus humuli*)¹. Эти мотыльки относятся к древнейшей филогенетической линии. Когда-то они призраками летали по пастбищам, роняли яйца на землю, а днем спали. В мире столько всего нужно зафиксировать и классифицировать! Очень сложно найти

---

¹ *Hepialus humuli* – с лат. тонкопряд хмелевой; на англ. – *ghost moths*, досл. «мотыльки-призраки».

для этого подходящий язык. Пожалуй, начну с настоящего момента. Жизнь прекрасна! Водка – черная! Груши – обнаженные! Дождь – горизонтальный! Мотыльки –

призраки. Не все перечисленное правда, но должен признаться, что это пугает меня не так сильно, как обещание любви.

Для цитирования: Букреева, А.В. «Черная водка» Деборы Леви: антропология любви // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 2. С. 41–52. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-2-41-52

For citation: Bukreeva, A.V. (2025). “Black Vodka” by Deborah Levy: The Anthropology of Love. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (2), 41–52. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-2-41-52

“BLACK VODKA” BY DEBORAH LEVY: THE ANTHROPOLOGY OF LOVE

Anna V. Bukreeva, MA (Philology) at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia); e-mail: nyuta.bukreeva.00@mail.ru

Abstract. The following material presents a translation of the short story “Black Vodka” from the eponymous collection (2013) written by the contemporary British writer, poet and playwright Deborah Levy. The translation won the sixth international literary translation competition ART & CRAFT OF TRANSLATION (2025). Deborah Levy’s novels “Swimming Home” and “Hot Milk” were shortlisted for the Man Booker Prize. The translation is accompanied by a brief preface on the author’s work and the artistic features of the story “Black Vodka” in the frame of the eponymous collection.

Key words: Deborah Levy, “Black Vodka”, contemporary British literature, short story, translation

